

ВИКТОР ЯХНЕС

ОТРАДА

ЗАМЕТКИ

ЖИЗНЕЛЮБА

Виктор Яхнес

Отрада.Заметки жизнелюба

«Accent Graphics communications»

2018

Яхнес В.

Отрада.Заметки жизнелюба / В. Яхнес — «Accent Graphics communications», 2018

Благодушные миниатюры о нас с вами стали отрадой автору при написании. Унывающий без отдушины читатель имеет шанс найти отраду в их прочтении.

© Яхнес В., 2018
© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Мне болеть нельзя!	5
Личная жизнь Крученковой Кати	7
Жора и Соловей	8
Новая взрослая жизнь большого ребёнка	9
Ворон, птица вещая	10
Метаморфоза развития	12
Панегирик водительским правам	14
Человек произошёл от обезьяны?!	16
Случайное наблюдение	17
Аутодафе	18
Доха и Соловей	19
Восток – дело шумное	20
Когда берёт оторопь...	21
Зуб даю, а это – много, когда их мало	22
Пофигист – это не приговор	24
Женская хитрость	26
Гора Ай-Петри	27
Лекарство от лунатизма	29
Путевые заметки	30
Виды интонации	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктор Яхнес

Отрада. Заметки жизнелюба

...Всё в мире нам и радость и отрада...

М. Лермонтов

Мне болеть нельзя!

Мне болеть нельзя! Потому что сразу же выясняется, что я не только болеть, я и лечиться-то не умею!

Бывалые пациенты поймут, о чём это я...

Что с народом делают мои сопли?!

Все маниакально норовят впихнуть в меня что-нибудь невпихуемое. И как бы соревнуются друг с другом в экзотичности средства.

Самые близкие, очевидно, любя, просто смешивают меня с грязью.

«Бездельник! Отлыниватель! Слабак!» – это самые ласковые эпитеты после моего третьего чиха.

Нельзя мне болеть!

Да пробовал я на чихе затыкать все выхлопные отверстия... Откуда-то сразу многоголосье... Сраму не оберёшься... Никак нельзя болеть!

Ребята! Я не про срамные болезни говорю! По сю пору Бог миловал!

Я про самые народные говорю... ОРЗ-фарингиты... Ими тоже нельзя болеть!

Настоек понатащили, как на фронтовой госпиталь! «Товарищи, – слабым голосом спрашивал я, – а не на спирту лекарства бывают?!»

От тещи средство принимать побаиваюсь... Может когда обидел... Опасно для здоровья мне болеть...

Двоюродный дядя жены, фронтовик-орденоносец, принёс тёмную пол-литру, запечатанную тряпицей на манер коктейля Молотова. Я тогда подумал, ну, кончились у фашистов танки! Не хватило ему!

«Я в таком все свои ордена и медали обмывал! Не может не помочь! Для последнего своего часа берёг! Но тебе щас нужней!»

Из уваженьица... На двоих... Ничего так, спиртец фронтовой...

Сосед по старой квартире всё норовил накапать мне в нос нечто сверхвонючее. Что-то мне показалось тогда, что это у него после травли тараканов осталось... Теперь понятно, что мне нельзя болеть?!

«Йога!» – с порога рубанула незабытая однокашница. «Хатха! Поза – выдох дракона!» «Добить хочешь!» «Ты пойми, – взмолился я, – после всех этих настоек у меня получится огнедышащий дракон! На полсекунды...»

Журналига-востоковед! Ну, свой же в доску! Так и этот притащил заспиртованную змею! Я думал, попугать хочет. Нет, говорит, пей!

Коллеги по работе пришли... Шутники... Где они взяли такой шприц, как у Моргунова в «Операции «Ы» в заднице качался?!

Вызывали какого-то китайца с иголками... Подозрительный какой-то китаец... На нашего казаха похож... Не дался я ему...

«Ну, вот же написано: проходит обычно за семь дней!» – однажды завопил я. «Всё! Я здоров!»

«А чего же тогда гундосишь?! – цепко держала меня эта мафия. «Яйцами нос греть не пробовал?»

«Пробовал! Недотягиваюсь!»

Я откровенно хамил. Практически затравленно. В жалкой попытке на сочувствие.

Мне прощали всё!

Я никогда не был злопамятным. Но память у меня хорошая, и после такого глумления она становилась на короткое время злой.

Я никак не мог понять, о чём думают люди на больничном, сутками валяясь с загадочным лицом в постели?!

Теперь я понял: о мести!

Я брошу всё!

Я завалю вас сушёными жабами и настойкой на мухоморах!

Я полечу к людоедам и притащу вам самого свирепого шамана!

Я найду для вас ведёрный шприц!

Вы у меня египетской мумии завидовать будете!

Сладкая штука – месть... Если бы потом это всё во сне не городилось...

Пока всё не станет на свои места...

Нельзя мне болеть! Опасно для жизни!

Личная жизнь Крученковой Кати

Личная жизнь Крученковой Кати не складывалась. Ни с какого боку. Росточку небольшого, аппетит хороший. Наивная. Неудачный первый сексуальный опыт. Бухгалтерский техникум, опять же. Тот как ушёл в армию, так до сих пор и воюет. Везде.

Говорят, слепые лучше других слышат, а глухие – запахи острее чувствуют. Катерина любила петь. Всё подряд. С чувством пела, в образ входила. С жестикуляцией.

«Ты погоди малость, Катя, – говаривал бывало брат Лёшка, – дай я на работу уйду!» Далёкий от искусства был человек. Пахарь. Мать улыбалась: «Бабка Лиза любительница была!»

В райцентре Брянской области со скучным и дремучим названием на глазах хирела не только культурная жизнь. Поэтому жизнерадостный талант Крученковой Кати имел мало шансов быть востребованным. А с ним – и личная жизнь Кати.

«Да, что ж такое, – в сердцах вырывалось бывало у Катерины, – рядом, в Беларуси все поют! Спевки, слёты, художественная самодеятельность! Ну, такой же народ! Говорят, не такие богатые, как мы, а на костюмы деньги находят! А тут ДК торгашам отдали, райбиблиотека на ладан дышит. Вот телевизор дурацкий да соцсети туповатые – это теперь культура!»

Катя с трудом понимала, куда теперь катится жизнь. Кто всем этим руководит, от кого всё зависит?! И что же они там ничего не видят! И всё чаще в мозгу проносились мысли: не видят! Она даже не знала, к кому и обратиться...

Ну, пусть: они поумней, и производством, и культурой заправляют. А где всё это?! И производство, и культура?! В их райцентре – ни того, ни другого.

Она пробовала справиться у брата. У директора своего. Одному жениться приспело, другой – весь в махинациях и комбинациях, вечно на грани выживания. С выпученными глазами. Говорят, лучше жить стали. Ну, как же лучше-то, если никто не поёт?!

Только с братовой женой-белорусочкой общий язык нашли, ей уже рожать пора... Опять наперекосяк пошло: ребёночек выжил, невестка – в коме... Врачи ничего не обещали. Попа привозили. Поп сказал: «Песни ей пой...»

И Катя пела. Выразительно, с жестикуляцией.

Обшарпанная райбольница песням из реанимации поначалу дивилась, потом, узнав ситуацию, попривыкла. Вроде, и халаты застиранные, и кровати допотопные не так уж и заметны стали...

Однажды заснувшую было Катю кто-то потянул за рукав. Встрепенулась. Ясные, усталые, добрые глаза невестки: «Катя, спой, а?»

«Золото, а нэ дэвушк!» – говорил о Кате главврач кавказской национальности. «Сын прыедет, я их пазнакомлу! Они спаюцца!»

Личная жизнь Крученковой Кати принимала иной оборот...

Жора и Соловей

Учился Соловей легко... На «удовлетворительно». Точнее, на 2.5... И полбалла все «доценты с кандидатами» добавляли ему за весёлый нрав, постоянную несусветную расхристанность, безобидность и пронырливость...

Просто они знали, что из него получится нормальный прораб, жизнь доучит...

Соловей везде был «свой»... Даже декан был уверен, что фамилия этого оборота Соловей, а не Соловьёв...

Он был «свой» даже на женском этаже.

Пока этот этаж не подсунул ему свинью...

Точнее, журавля Жору, которого сердобольные студентки, подраненного, привезли в общагу с практики. На долечивание...

Жора сразу перехватил у Соловья славу всеобщего любимца, чем вызвал у того косые от ревности взгляды.

Жоре Соловей тоже как-то сразу не глянулся. Стучал клювом, топал длинными ногами, всё такое...

Жора, как комендант, важно расхаживал по коридорам, цокал когтями по полу, а все норовили угостить его чем-нибудь вкусным...

И всё бы ничего, да только от обильного харча Жора и помёт свой стал выделять активнее. Было заметно, что сердобольные студентки на такую Жорину подлянку совсем не рассчитывали... Но!

Коллективным разумом будущие профи решили таки проблемку персонального клозета для Жоры. В виде большого пакета, подвешенного сзади на помочах через крылья...

И это чудо в перьях, на ходулях и с обкаканым мешком продолжало скрашивать студенческие будни...

И Соловей однажды нарвался...

При разминке с Жорой в нешироком коридоре, тот углядел у Соловья на рубашке какую-то блестящую пуговицу да и долбанул его в грудь...

«Курица обосранная! – орал Соловей, – ходули переломаю! На суп сварю!»

Жоре такие слова не понравились, и он тоже, проглотив половинку пуговицы, в ответ заклокотал по-своему нечто аналогичное...

В тот раз их разняли. Но Жора стал явно подкарауливать Соловья в коридорах.

Счастливицы не раз наблюдали, как Жора с распахнутыми крыльями и болтающимся сзади мешком, с боевым клёкотом гнал Соловья в тупик...

Соловей стал нервным. Все ответы на экзаменах и зачётах сводил на этот свой экшен...

Перед выходом из комнаты пугливо выглядывал за дверь... Открытые пространства пересекал дивной шустрой иноходью, в одиночку старался не ходить...

Куда-то Жору потом определили...

Соловей на глазах повеселел...

Показывал всем шрамчик на груди и дурил первокурсников: «Это от пули...»

Новая взрослая жизнь большого ребёнка

Наутро после первой брачной ночи Моня с удивлением обнаружил, что она на голову выше его.

«Мама, мама!» – побежал он из спальни.

«И что?! Ты же справился?!»

Моня покраснел...

«Ну, и умничка! Это твоя новая взрослая жизнь! Я всегда хотела сделать для внуков что-нибудь хорошее...»

«Мама! Но до внуков ещё есть я! Как я с ней по улице буду идти?!»

«Ты не будешь больше по улице идти, ты по ней будешь ехать. Её папа подарил вам машину!»

«Мама! У меня же нет прав! Ты же знаешь, я всегда боялся машин!»

«Теперь твои страхи кончились, она будет тебя пристёгивать рядом. Зачем тебе права?!»

«Но, мама! Мои ребята будут надо мной ещё больше насмехаться!» «Весь в поца-отца! Дорогой мой! Твои ребята уже начали умирать от зависти! Такое приданое в твоей песочнице ещё никто не получал! Они тоже скоро узнают, что такое новая взрослая жизнь!»

«Но, мама! Она такая сильная! Я не могу от неё вырваться!»

«И не надо! Я тебе гарантирую жизнь. Ей теперь нет смысла тебя до смерти придушивать!»

«А голос! Мама у неё же голос портового грузчика! И лексикон тот же!»

«Ша! Девочка таки знает жизнь! И теперь я за тебя спокойна!»

«Но, мама! У неё же на спине татуировка! Дракон какой-то!»

«От, папин сын! Тот от собак за меня всю жизнь прятался, этот драконов до сих пор боится! Да, ты попробуй сам его укуси! Ей понравится! Привыкай, это твоя новая жизнь!»

«Ну, мама! Она же вчера порвала на мне рубашку!»

«Моня, сыночек! Поздравь свою маму! Она не ошиблась! Твоего отца я тогда из-под кровати только под утро выковыряла. И то обманом и подкупом!»

«Мама! Ты слышишь, она опять меня зовёт!» «Иди, сынок! Порви дракона в клочья!»

«Ах, дети-дети... Как-то сложится их новая взрослая жизнь?!»

Ворон, птица вещая

Все люди делились для Григория на два сорта: на тех, кто знал, что ворон и ворона – не одно и то же, и на тех лопухов, кто думал, что ворона – это самка ворона.

Несусветным и трудно вообразимым образом любая тема разговора борзо и неизбежно сводилась у него на ворона. Ворон – птица особая...

На вопрос: «На каком этапе персональной Гришиной эволюции заклинило его на этом зловещем и отпугивающем пернатом чуде», ответ простой: никто этого не знал...

Есть версия: пошло это, якобы, с Гришиного совершеннолетия, когда своеобразливый, не без чудинки, Гришин крёстный Никодим Прокопыч перемудрил всю родню своим подарком... И теперь вот уже много лет, как здоровенный, носатый, с подозрительным взглядом ворон Родя составляет всё Гришино семейство.

Всех входящих в Гришину малогабаритку в Новых Черёмушках Родя одному ему известным образом делил, внимательно приглядевшись, на две категории. Изычно грассируя, Родя однозначно констатировал: «Вор-р-р!» или «Цр-р-ру!». Ворон – птица мудрая...

Покойница-мать, Царство Небесное, исключительно из чадолюбия многократно пыталась сжить Родю со свету: травила, окна открывала, кота пробовала завести... Тщетно... Родя выжил, а кот удрал... От греха подальше... Ворон – птица живучая...

«Да ты хоть знаешь, что пропорции между телом и мозгом у ворона, такие же, как у дельфина и человека?!» – горячился, бывало, Григорий, видя недопонимание. «Они же сигнал светофора знают, доказано! У них же богатый язык, даже диалекты свои имеются, чужаков не всегда понимают – факт! Только приматы, как и вороны, способны изготовить и применить орудие труда! Ты же почитай про них, глаза на лоб ползут! Ворон – птица уникальная!»

Почитал... Да, эти лупатые бандиты могут из лунки вытащить леску и сожрать наживку, не уколовшись о крючок... Да, злопамятные, как черти: студенты биофака однажды науки ради изловили парочку, взвесили, окольцевали, отпустили... Так эти две разобиженные сволочи приволокли с собой целую свирепую стаю сородичей, и те начисто обосрали всё, что хоть как-то было связано с биофаком. Две недели гадили, падлы, обильно и регулярно...

Мученики науки, якобы, поклялись с тех пор: ни-ни, только синичек...

Негр-мороженщик, сообщали, где-то на Бродвее, однажды долго плакал и хохотал, хохотал и плакал... Проныра-ворон из аборигенов, понаблюдав, как люди покупают у негра мороженое за некие металлические кругляшки, ухнул однажды к негру на лоток с... пивной крышкой в клюве...

Да, ворон – птица-символ мудрости и долголетия... Ещё и вещая по преданию...

Сообщали, что эти хмурые и вещие вознамерились было оставить некий колхоз без урожая – сразу за сеялкой семена выклёвывали... Колхозники семена притравили... Фигвам... Вороны набирали полный клюв семян и летели на пруд полоскать... Вороны выжили, колхоз – нет... Ворон – птица вещая, что и говорить... А ещё они вору первостатейные... Вороны, не колхозники...

Всегда поражался, насколько собака похожа на хозяина... С птицами ряд наблюдений маловат... Но, думается, Григорий со своим вороном аналогичную закономерность соблюл бы однозначно...

Григорий старательно гнал от себя мысль, что в таком вот приунылом и грустном качестве ему и придётся доживать свой век...

Умом он понимал, что могло быть как-то поживее и поразнообразнее. И радости могло бы поболее быть, и от этого гнать ту тоскливую мысль становилось всё труднее...

Иногда, в солнечный день, он вдруг ловил себя на мысли, что ему не так и много лет. И что всё ещё может быть... Беда его, однако, состояла в том, что он толком и не понимал, а что всё-то?!

Ворон Родя ликом своим мало походил на ангела... Однако, однажды, по весне вдруг с утра начал усиленно бить крыльями и с незнакомой интонацией призывно каркать.

Григорий по опыту решил, что вещей что-то учуял...

Она была вдова без детей и с сильным характером. Когда ей общие знакомые обрисовали Гришину ситуацию, она не стала жеманиться и по телефону сказала ему, чтобы в пятницу ждал на чай...

Подготовку к чаю Григорий провел, в общем-то, с энтузиазмом, но и в тревоге: что делать с Родей?! Был опыт... Печальный. Ну, на вечерок его было куда пристроить. А вдруг?! И что потом?!

То ли вдову упредили насчёт Роди, то ли в силу характера, но по её реакции – в клетке вполне могла сидеть и канарейка...

Чего никак нельзя было сказать об ощущении самого Роди. Никаких новых речевых оборотов Родя не породил, да только оба-два своих старых выпуливал частыми и хлесткими очередями. При этом на удивление агрессивно норовил клюнуть вдову сквозь клетку. От изоляции в кладовке вообще разорался безобразно...

Чаю, впрочем, это практически не помешало...

Григорий от встречи небывало разволновался и долго не мог уснуть... Во сне его кто-то с жуткими криками гнал в серый, густой туман... Непонятно зачем бродил он по тёмным закоулкам, то и дело натываясь на драки...

Он и проснулся в сильном смятении...

Родя сидел на хвосте на дне клетки с распахнутыми и прижатыми к стенке клетки крыльями... Стекланные глаза его всё также пронзительно смотрели куда-то вдаль, когтистые лапы были выставлены вперёд в защитной позе... Родя был мёртв...

«Извини, я сегодня не могу...» Григорий тупо сидел, смотрел на Родю и не знал, что делать...

Резкий звонок в дверь... «Что случилось?» «Ну, что же теперь делать?!» – вдова была обидно спокойна... «Пошли в парк... Заодно и похороним...»

Метаморфоза развития

Юннатские поползновения моего друга Толи за всю его сознательную жизнь претерпели стопроцентную метаморфозу развития...

Тёщиного кота Маркиза от тайной, изощрённой казни спасала искренняя, с детства, любовь Толи к красавице и умнице Тамаре.

«Киса, помоги Маркизу», – «рекомендовала» из своей комнаты Тома, услышав утробный голос баловня семьи...

«Киса» – это домашнее имя моего друга Толи. Присвоено Тамарой... Пожизненно.

А Маркиз – это надменное, породистое и разожратое чудовище, издававшее жуткий утробный звук всякий раз, когда ему надо было перелезть дюймовый порог из кухни в комнаты. Будучи под шофэ, Толя в узком кругу единомышленников систематически жалился, что звук этот частенько заставляет его с дрожью просыпаться ночью в холодном поту...

Когда никто не видел, Толина помощь Маркизу заключалась в лёгком поддёве носком ноги под жирный живот кота с последующим броском того через порог.

Аристократическое происхождение кота, видимо, не позволяло ему как-то более адекватно реагировать на такую Толину «помощь».

Лишь испепеляющий плебей, полный презрения, чванливый взгляд ненавистника...

Однажды мой друг Толя едва не захлебнулся от ярости, услышав, что коты, мол, тоже поддаются дрессуре...

«Какая дрессура!» – возопил мой друг Толя, – твари тупые! Только валерьянку жрать!»

Эволюция – упрямая вещь, метаморфозу развития отнюдь не исключаящая, а вовсе даже предполагающая...

Вместе с дочкой, как-то исподволь, в семье Толи и Тамары появился кот Мотя...

Консенсус у Толи с Мотей был замечен сразу...

Мотя, разумеется, сам перелезал все пороги, делал свои дела исключительно в унитаз (!) и голос имел вполне терпимый.

«Погоди, – по возможности миролюбиво назидал кота мой друг Толя, – ты у меня ещё будешь воду сам спускать и тапочки мне приносить...» Повествовательно говорил...

Про светящиеся в темноте Мотины глаза утверждал так: «Включаются сосиской, выключаются тапком...»

Когда в отведенный срок Мотя почил в бозе, а доча выучилась и улетела жить в края более комфортные, в семье моего друга Толи откуда-то появился Бибер...

Здравши хвост летел Бибер каждый вечер встречать Толю с работы.

Толя с любовью чесал его особой массажной щёткой, Бибер при этом жмурился и урчал от удовольствия, любви и неги... Почти как и Толя...

Ни один разговор с Толей по телефону, а потом и по скайпу не обходился без умильного упоминания о любимце...

Немерянные средства были истрачены на лечение Бибера, когда тот вывалился из окна пятого этажа в охотничьем азарте за голубями.

Дозволялось Биберу практически всё. Любимая его лёжка была на принтере, рядом с Толиным компьютером... Заставка в нём, разумеется, – Бибер крупным планом...

Прожил Бибер в любви и неге 18 лет, завершив, вкупе с предшественниками, Маркизом и Мотей, аккуратно полувековую «кошачью» эволюцию взглядов и отношений моего друга Толи... Стопроцентная метаморфоза развития...

Вот я теперь и думаю: в Толиных ли годах дело, в кошачьей ли неотразимости...

И наблюдаю с интересом, обойдётся ли мой друг Толя на пенсии без кота?!

Панегирик водительским правам

Наступивший год несёт нашей семье немало юбилеев, так получилось... Юбилей моим водительским правам – один из них.

50 лет назад эта была красная книжица с очень гордой для 18-летнего пацана надписью: «Удостоверение шофёра-профессионала 3-го класса». На оду юбилей не тянет, а вот панегирик по поводу – в самый раз.

Три последних класса мужская половина изучала «Автодело». Жутко повезло с учителем: Михал Михалыч Лебедев, бывший начальник районного ГАИ на пенсии, по инерции никого и ничего в районе не боялся.

Сказал, надо самим собрать газик, и старшеклассники зачастили на практику и экскурсии в автобазу. Михал Михалыч лично инструктировал каждого – что конкретно надо там прихватить для претворения мечты. Шоферня и механики автобазы всё понимали и потому смотрели на несунув сквозь пальцы.

Когда же в холодном школьном сарае груда металлолома однажды превратилась в машину, и ГАЗ-51 вдруг завёлся от заводной ручки, честно, в наших глазах были слёзы...

Попутный панегирик освоения матчасти опускаю...

Для начала «чумахеры» сравнивали с землёй все палисадники вокруг школы, а заодно и подрихтовали школьные углы. Завхозу это стоило ведро валерьянки...

Когда же мы выехали на большую дорогу, районный центр вздрогнул, потом замер от избытка новых чувств, потом наловчился вовремя уносить ноги...

Не одна курица непуганая и нерасторопная пала жертвой становления асов дорог, не одна собака сорвала голос в бессильной злобе на непотребный запах от нашего тёмно-зелёного красавца...

«Вам, засранцам, надо череп с костями на крышу пришпандорить, а не букву «У»! – понимающе бухтели земляки...

«Отошла курица на 10 м от дома – всё! Ничья! Дикая тоись!» – доблестно заслонял нас Михал Михалыч. Народу нечего было возразить хотя и бывшему, но милиционеру в авторитете...

Само собой, не давал я проходу и отцу, водителю молоковоза в ту пору. Направления вместо дорог, связывающие нашу Медынь с деревенскими фермами, без дураков, послужили мне отменной школой... Это теперь остроумны дорогушие школы экстремального вождения, тогда это была суровая реальность без альтернативы и вариантов...

Зимой эти дороги чистил трактор с волокушей в виде клина из брёвен с пригрузкой камнями. Это значит, что от проезда волокуши по пересекающей дороге на твоей оставались два сугроба...

Батя уже мог расслабиться и дремануть на пассажирском месте...

Когда же впереди на дороге однажды вдруг замаячили эти самые сугробы от волокуши метра в полтора высотой, я будить батьку не стал...

Решил так: машина тонны три весит, да две тонны молока – и что мне эти сугробы пушистого снега? Я поддал газу...

После первого удара батя спросонья ничего не понял, удар о второй сугроб накрыл молоковоз «с головой» и таки привёл батьку в чувство...

Я бы и не останавливался, но уж очень красноречиво и эмоционально родитель изъяснял свои эмоции по этому поводу...

Конечно, он был прав: и бревно могла волокуша оставить на дороге, и большой камень. Но ведь проскочили же удачно... Родитель остыл метром через 300, после того как выгнал меня

из-за руля... Ругался он такими словами крайне редко, потому и не сомневался, что я вник... Панегирик родителю и другим наставникам опускаю...

Теперь, истоптавши за 50 лет немало машин и дорог, с улыбкой снисхождения смотрю на не в меру расслабленных водителей цивилизованной средиземноморской страны с прекрасной дорожной сетью, когда их напрягает обыкновенный дождь...

Говорят, «наибольшую опасность на дорогах представляет машина, которая едет быстрее, чем способен думать ее водитель». И тут панегирик неуместен...

Человек произошёл от обезьяны?!

Рос я пытливым, но стеснительным, поэтому некоторые вопросы по жизни долгое время оставались неразрешимыми, превращаясь в зудящие.

«Какой же это дедушка Ленин самый честный человек, если он жандармов обманывал, даже парик одевал?!» И далее в том же духе...

«Человек произошёл от обезьяны?! Да, сходство человека и обезьяны не только на лице. Почему же сейчас обезьяна не превращается в человека?!» Пришло время дознаться, наконец, и до этой шарады. Опираясь на новые данные и памятуя старый опыт...

Ушлые американцы в 2005–2007 годах поставили научный эксперимент по введению «трудовых отношений» в вольере с обезьянами. Приняв за истину, что человек произошёл от обезьяны, работу им придумали, денежный её эквивалент опять же, всё как положено. И тут обезьяны прокололись начисто.

Дивным образом было доказано сходство человека и обезьяны. В считанные дни голожопое сообщество расслоилось так, как будто все читали Маркса! Появились трудоголики, бандиты, бездельники, банкиры, проститутки. И, главное, знакомые нам до боли нравы-плоды эволюции: жадность, злость, подозрительность, воровство.

Не в пример людям, обезьяны в момент усвоили номинал «денег» и смысл распродаж! Но дальше этого дело как-то подозрительно не пошло. Опять засвербели было сомнения: в самом ли деле человек произошёл от обезьяны?! Вот ведь в эксперименте не превратилась, знаете ли, обезьяна в человека. Хотя процесс вроде бы и пошёл.

Ну и почему же обезьяна не превратилась в человека?! Ответ один: да она не хочет! Вот так вот просто, знает последствия и не хочет. Что она видит и как рассуждает?

«Голый и неуклюжий человек загнал сам себя в жуткие резервации, где дышит смрадом и ест чёрти что! Терпеть равенство и скрывать инстинкты?! Метаться по нужде в отведенные места?! Без нужды покидать обжитой ареал?!

А альфа-самцы?! Вы только посмотрите на их альфа-самцов! Ни шерсти, ни клыков! С одной самкой не справляются! Рыкнуть, как надо, не могут!

Сбиваются в стаи, сообразуясь с навязанными кем-то когда-то неестественными надобностями! Зачем-то хапают территорию, которую и пометить-то как следует не могут! Ресурсов не хватает!

А чего они так кривляются и вопят по-страшному без необходимости?! Ну, пошуметь мы тоже можем, но не так же дико!

Кроме силы и ловкости, почему-то почитают прямые и длинные ноги, цвет волос и крупные молочные железы у самок!

А как они пахнут?! Чем они эти запахи выделяют?! У нас так ну, никак не получается!

Они обожают ходить строем! Обезьяна всю голову отломала: зачем?! Это же страшно неудобно!

У них слюна выделяется в то время, когда выделяться должна только моча!

Они едят всё подряд! Им что, нравится всё время пукать?!

Они всё время суетятся! Греются они так, что ли?!

Они вешают на себя всякие пёрышки, блестящие жестянки и яркие тряпицы! Как наши детёныши!

Придумали себе забаву: кататься в вонючих и гремящих коробках! Потому что они разноцветные, что ли?! Не-не, братья-приматы! Мы как-нибудь без этих ваших благ! Мы и на лианах покатаемся!»

Да, сходство человека и обезьяны на лице налицо, но утверждать, что человек произошёл от обезьяны берутся уже не все заинтересованные лица.

Случайное наблюдение

А сколько ты можешь пройти», – вдруг спросил сосудистый хирург, поизучав пару минут результаты обследований.

«Много...», – честно ответил я..

«Вот и иди...»

В смысле, поражения сосудов ног меньше, мол, 50 % и, стало быть, никакого кардинального вмешательства до поры не требуется. Только ходить...

Вот я каждый день и хожу. И смотрю... Получается, случайное наблюдение тоже доктор прописал...

На углу Бальфур и Герцль одиноко стоял грустного вида восьмидесятиплюслетний человек и...свистел...

От того, что он периодически складывал губы в трубочку, вид его делался ещё печальнее, и было заметно, что они у него уже устали, потому как он больше дул, чем свистел...

Понятно было, что он звал собаку. В нашем городе много одиноких пожилых людей, для которых собака – единственный член семьи...

«Прибежит, – подумал я, – аналогичного, небось, возраста, не впервой...»

Случайное наблюдение на этом могло и закончиться...

На следующий день картина не изменилась... И на третий день тоже...

Человек я эмоциональный, а другой доктор настойчиво призывал беречь нервы. И я стал ходить к морю другой дорогой.

Случайное наблюдение стало из памяти стираться, уступая место новым...

Как-то, задумавшись, я вернулся на прежний маршрут...

Тот самый человек сидел на скамейке, уже не свистел, а только грустно, тревожно, с остатками надежды смотрел по сторонам...

Через пару дней, мне показалось, плечи его совсем уж опустились, а в опустошённых, уставленных в одну точку, глазах появилась щемящая безнадега...

Вскоре скамейка опустела...

Кто... Куда... Подробностей я, разумеется, не знал... Случайное наблюдение – оно и есть случайное...

Все уходят... И люди, и собаки...

Печальное и случайное наблюдение и мысли породило соответственные...

Как подготовиться, как принять, как вести себя напоследок...

У моего друга в Беларуси очень почтенного возраста родители принадлежали к какой-то приличной секте...

Трёпаные болячками, войной и строительством коммунизма старики неизбежно изредка заговаривали, конечно, и об уходе...

И я навсегда запомнил их спокойный, даже благостный настрой при этом...

«Скоро домой, – с какой-то тихой радостью вздыхали они... – Скоро к Нему...»

Может быть это и странно (к контексту) звучит, но спокойное отношение этих людей к предстоящему и неизбежному однозначно порождало мысль: они уходят в лучший мир...

Что совсем не мешало им радоваться каждому дню на этом...

Какая-то обойдённая тема... А зря...

Сдаётся мне, просвещённость и знания в любом вопросе берегут нервы и тонус жизни, по-любому, повышают...

Аутодафе

Наблюдаю двух дворняг на охраняемом ими вместе со сторожем некоем объекте...

Одна собака – крупная, старая и ленивая, по всему виду, долей своей собачьей недовольная, потому злая, когда не спит...

Второй пёсик – полный антипод: молодой, резвый и всем виляет хвостом...

Охранник из старого барбоса – чисто номинальный, он всё время спит в разных позах... Службу со звонким лаем, верой и правдой несёт молодой и мелкий...

Когда же дело доходит до кормёжки, старый барбос тут как тут... Нахально и ежедневно обижает и объедает молодого... Не единожды трёпанный, пёсик своё место давно осознал и боится даже вякнуть супротив...

Но в глазах, вижу, накапливается ненависть и жажда мести...

Фатальная беда пёсика в том, что он больше не вырастет, родословная подвела, поэтому момент отмщения в будущем становится весьма и весьма проблематичным...

Вижу, что сторож пёсика жалеет, и даже пытается кормить его отдельно и незаметно... Однако, старый барбос вдосыть повидал на своём веку, и всякие такие потуги пресекает с грозным рыком на корню...

«У-у, падла самашеччая!» – только и может себе позволить сказать сторож, сам этого зверюги побаиваясь...

Как-то в полдень, сожрав, как обычно, свою и чужую пайки, старый барбос устроился на сиесту...

Мелкий сидел на расстоянии и не сводил с недруга голодного и гипнотического взгляда...

Уловив момент, мелкий вдруг, как бы по своим делам, засеменял по большой спирали с центром на барбосе...

Очутившись рядом и учуяв, что тот в полной сытой отключке, пёсик вдруг задрал лапку и...

Нет, он не просто нужду свою справил... Он излил на обидчика всю свою накопленную вонючую месть и категорическое презрение... Ещё и лапами, отчаюга, поскрёб!

Аутодафе, не иначе...

Таких казусов раньше ни мне, ни наблюдавшим работягам видеть не приходилось...

Наверное, поэтому сразу после действия мелькнула какая-то нетривиальная мысль: как-то у животных попроще всё происходит...

Люди, те в такой ситуации всё больше языком трепят – то на тебя, да это на тебя...

А тут, видишь, незатейливо и по-деловому...

Юннатов прошу не беспокоиться: старый барбос не проснулся и так ничего и не понял...

Так что, народный мститель жив, здоров, чего и вам желает...

И по глазам его вижу – готов, стервец, к новым подвигам в борьбе за независимость...

Надо будет, и аутодафе новое утворит. Ресурсов хватит...

Доха и Соловей

Многие предметы в политехе Соловью давались с трудом. Немецкий не давался вообще. Очередная пересдача всякий раз мучительно сокращала вожделенные каникулы.

И Соловей понял: его последний шанс – «взять» «немку» измором. «Немка» Нонна Григорьевна была милейшая во всех отношениях женщина. Причёска «высокий пучок», тонкая оправа, одежда «светлый верх, тёмный низ», педантичность и интеллигентность на грани наивности... И барсучья доха зимой. Доха – шуба мехом внутрь и наружу, кто не застал. Очарованные дохой коллеги с годами пришли к двум устойчивым выводам: 1. Доха – это фамильная реликвия. 2. Доха – ровесница последнего немецкого кайзера.

И вот аккурат в зимнюю сессию по выстраданной стратегии Соловей стал маниакально преследовать Нонну Григорьевну и канючить об очередной пересдаче. Неожиданно всякий раз вырастал он перед ней практически из сугроба. Соловей предлагал ежедневно выгуливать дога Нонны Григорьевны, таскать за ней сумку с продуктами, выбивать ковры и даже проветривать доху.

Она-то, доха, и оказалась однажды на переднем плане особо отчаянной его атаки. И таки не выдержала, «сломалась».

Сроки поджимали категорически, и Соловей усилил натиск многократно...

Нонна Григорьевна уже садилась после работы в автобус. А Соловей всё канючил «ну, пожалуйста, ну, ещё разок» и цепко продолжал тянуть за рукав дохи наружу. Рукав дохи отделился как-то сразу по всему шву. Как ракетоноситель...

На защите диплома в вызубренном докладе Соловья прозвучало явно немецкое слово «контрфорс». «Говорят ты, Соловьёв, в немецком силён?!» – свои члены комиссии имели хорошую память, подходящее чувство юмора и слегка опасались задавать Соловью профессиональные вопросы. Практически уже инженер-гидротехник, Соловей и в этот раз не сплеховал. «На кой он мне?! – честно, смело и уже радостно сказал Соловей, – у меня родной язык – прорабский!» И это была чистая правда!

Мы не виделись много лет. Но встречу, спрошу: а детям и внукам про доху-то расколся?!

Восток – дело шумное

Стараниями съеденного Кука, неаппетитного, судя по всему, Марко Поло и худого Миклухо-Маклая весь Восток без промедления окутался мистикой и тайнами. Абсолютно весь – Дальний, Средний, Ближний...

А уж после того, как Луспекаев своим «Восток – дело тонкое...» эпохально нагнал на регион саспенса и тумана, писаки и графоманы и вовсе распоясались в определениях... И такой Восток, и сякой...

Многолетнее проживание в этом своеобразии в 50-ти милях от Иерусалима дёргает за язык и меня...

С Божьей помощью будут и другие заметки, а на этот раз «Восток – дело шумное...»

Даже и не буду пробовать объяснять, почему в компании израильтян, вне зависимости от количества и вида времяпровождения, говорят все сразу, громко и артистично. Как они ухитряются держать нить разговора, одному Богу известно!

Но, видимо, ухитряются потому, что, бывает, и поспорят, и повздорят... Но как-то... не по-нашему, без агрессии...

Рынок Востока – дело особо шумное и колоритное... Здесь можно орать любым голосом, на любом языке, любую ахинею, лишь бы привлечь внимание...

Новые переселенцы инстинктивно втягивают голову в плечи и подгибают колени, когда здоровенный торгаш, выпучив глаза, вдруг зычно рявкнет над ухом о «баснословно низкой» цене...

Без сотовых телефонов здесь разве что многочисленные дворовые коты, у которых март круглогодично, и которые на шикарном харче непомерно наели и морды, и глотки...

Но какой-нибудь не в меру упитанный «шмулик» будет час обсуждать с тротуара с хавером (друг – ивр.) на девятом этаже нечто «архиважное». Без сотового...

Машин на дорогах больше, чем жителей во всей Стране Большого Пляжа...

Создаётся впечатление, что гудеть сигналом – это обязанность водителей. Музыка в авто любят так сильно, что вибрируют, кажется, стёкла в придорожных домах...

И это на фоне круглосуточного воя амбулансов... Восток – дело шумное...

Децибелы от мусоросборщиков по утрам придают этой какофонии особую проникновенность. Потому, что рано по утрам...

Надо учесть, что звукоизоляция стен, толщиной в один пенобетонный блок, чисто символическая, несмотря на то, что Восток – дело шумное.

Поэтому мы сразу же осознали, что наша новая соседка – любительница караоке... Использование этой микровзвездой микрофона показалось излишним и чрезмерным не только нам с супругой, но и псу с верхнего этажа смежного дома.

До появления горластой соседки пёс этот от безделья просто всех и вся на улице облаивал, а тут начал выть. Или петь, я уж не знаю... Но очень громко. Так громко, что особо чуткие юннаты норовили запустить в него чем-нибудь...

И всё бы ничего, но в одно прекрасное утро этот дуэт вдруг превратился в трио – сработала сигнализация авто под домом (дом на столбах). Когда этот концертный номер повторился несколько дней, до меня дошло, что это таки гуманная акция некоего доброхота, потому как живые голосовые связки звезды караоке и барбоса определённо проигрывали железным.

Может быть, им и мелодия сигнализации не нравилась, потому что она, сигнализация, всегда побеждала.

Кто бы про мои уши подумал...

Восток – дело не просто шумное...

Когда берёт оторопь...

Чижик

Нереально худой, но как чертёнок из коробочки шустрый Чижик из далёкого детства был у окрестной ребячьи в авторитете по причине отца-шофёра. Отец приезжал на обед домой на раздрыганном грузовике-раритете и благодушно разрешал посидеть в кабине этого пацанского чуда.

Случилось однажды так, что кто-то из ватаги, видимо, снял с ручного тормоза... Облепившие кабину огольцы, почуяв движение махины, горохом скатились с неё в стороны... И только Чижик, стоявший на тот момент спереди, облокотившись на бампер, не на шутку оторопел, потом резко развернулся и натужно упёрся в машину руками... Остановить, Геракл, хотел...

До 18-ти лет, пока я не уехал из родного городка, подвиг тот Чижиков и его оторопь вспоминали со смехом и удовольствием... А железяка тогда тихо и благополучно упёрлась в старую липу...

Топляк

Был в моей жизни благостный период, когда по выходным мужики-обладатели моторных лодок баловали себя упоительным времяпровождением на лодочной стоянке в затоне судоходной белорусской реки...

Народу в тот день на стоянке было мало, поэтому не заметить вдруг резкие движения некоторых у самой воды было невозможно.

К выходу из затона течением прибило утопленника со стажем. На шум прибежал начальник станции, тёртый отставник. В считанные секунды бравый, хотя и бывший вояка принял решение, от которого нас взяла оторопь: шустро схватив багор, он расторопно спровадил топляка дальше по течению мимо вверенной ему территории...

Мы так поняли, чтобы самому не заморачиваться, потому как он настойчиво посоветовал помалкивать.

Выходной, однако, испортился...

Гуманитарий

В деревянном, времён Екатерины I, общежитии для преподавателей техникума заискрился висящий в коридоре закопченный электросчётчик. Сплошь дипломированный народ вывалил из комнат и подтянулся к месту события.

Реакция у спецов проистекала в строгом соответствии с полученным образованием... От попыток спасти личное имущество до активных поисков какого-то рубильника на улице.

Подоспевший секретарь парторганизации, прожженный и ретивый гуманитарий, как всегда, решительно взял руководство событием на себя. Метнулся в кладовку, налил полведра воды и со всей секретарской дурью ухнул воду на счётчик под потолком...

Оторопевшие на тот момент технари ещё долго разъясняли решительному гуманитарю, что его, дурака, и убить током могло...

Зуб даю, а это – много, когда их мало

Как словить кайф?

Одна жёлтая газетёнка с малой Родины поместила третьего дня занятный сюжетец...

Якобы, пара вертающихся с гулек парнишей, проходя навеселе мимо парка аттракционов вознамерилась лакернуть удачный вечерок ещё и катанием на карусельке...

Карусельку выбрали какую покруче... С включением проблем не предвиделось, проблема была совместить включение с совместной посадкой, потому как в час ночи по парку обычно никто не гуляет...

Парниши как-то исхитрились, запрыгнул второй на старте...

Накатались со свистом и воплями от души... Потом закралась жутковатая оторопь: а кто выключать-то будет?!

Карусельщик пришёл в семь утра... Судя по всему, было от чего оторопеть и ему...

Когда зелёные, укатанные до полусмерти парниши неверной походкой зашкандыбали на выход, один непрерывно и жалостливо икал... При каждом «ике» его уводило на два шага влево, по ходу кручения карусельки... Другой беспомощно смотрел на него мутными глазами...

Знатоки утверждают, что по оклемании гуляки обычно почитают такие места гиблыми и, крестясь, скороходью огибают стороной.

Так бывает иногда после кайфа...

Млекопитающие

Юна, суматошная спаниельша с очевидными признаками подпорченной породы, вилять хвостом положительно не умела.

То ли в силу особенностей пола, то ли по причине свехпылкого характера, но Юна имела разухабистую привычку вилять... всем задом.

Впрочем, у некоторых шибко подобострастных кобелей этот финт тоже неплохо удаётся... Но дело не в этом.

Встреченная однажды на улице Юна с хозяином не замедлила продемонстрировать мне сей чарующий маневр, нагло требуя за это удовольствие потрепать её отвислые, похожие на два старых шерстяных носка, уши.

Протянув было руку к её голове, я тут же, оторопев, отдёрнул её...

Юна была... с пустышкой в зубах...

Довольный эффектом хозяин, отсмеявшись, разъяснил: такое вот у неё пристрастие – подбирать во множестве теряемые малышами пустышки.

Тоже млекопитающее, как-никак...

Каскадёр

Городок наш – не велик и не мал, в 10-ти км от Тель-Авива. Достопримечательностей – кот наплакал, поэтому сам Бог велел поведать об одной из них.

Горожане знают о двух колоритных, в кипах, с длинными седыми бородами, братьях-близнецах, с гордым видом разруливающих по дорогам на допотопном, времён британского мандата, мотороллере с коляской.

Само собой, таким раритетам на дороге от современных водил – всеобщий респект и уважение.

Однажды, аккуратно на моих глазах, на оживлённой улице надломился, видно от старости, крепёж той диковинной люльки к мотороллеру...

Люлька с сидящим в ней всегда невозмутимым одним дедом проскрежетала надломленной железкой по бетону и, отделившись от мотороллера, описала дугу и благополучно остановилась по ходу на встречной полосе. Второй дед, слегка вильнув, проехал еще пару десятков метров.

Картина маслом: подкатывает волна машин с ближайшего светофора, и все, в оторопении, тормозят... На левой полосе, по ходу их движения, стоит люлька с бородатым дедом, но без мотороллера...

Дед улыбается, что-то бормочет, Бога, наверное, своего благодарит... Десятка два водил хохочут, без внимания на пробку...

Хочу самогонку

Попалась на глаза заметка, где молодая мама смущенно поведала, как её опозорила горячо любимая доча. В супермаркете прилюдно, громко и жалобно попросила купить ей... хлебушка... Дитёнок, что с неё взять. Запах свежего хлеба, скорее всего, соблазнил. По словам мамы, эффект был как будто ребёнка пару дней вообще не кормили. Доброхоты могли и поспособствовать, народ наш жалостливый...

А я вспомнил сходный рассказ друга в Беларуси. У того наследник на весь магазин вдруг заорал: «Хочу самогонку!» Магазин напряжённо замер...

Молодой папа, говорит, долго и смущенно всем объяснял, что наследник так прозвал машинки с инерционным двигателем. Раскрутишь, и она сама едет...

Ситуацию заземлил солидный, усатый полешук, громко пробурчав, проходя мимо: «Ну, ты хоть дома-то налей малыцу...»

К сожалению, судьба нас развела, но я всё туда порываюсь, в том числе и чтобы выяснить, а не специально ли хитрец так завопил, чтобы расколоть батьку уж, наверняка...

Пофигист – это не приговор

Денежные потоки упорно обходили Синдеева стороной. Настолько упорно, что в его неприметной конторе на неглавной улице, где Синдеев пробовал сидеть с 9 до 17, начальник как-то на корпоративе так и сказал задумчиво: «Пофигист ты, однако! Дуй-ка ты куда-нибудь! Карму освежи, чакры прочисти. О вечном подумай. Всё такое... Да, и мы чуточку вздохнём».

Синдеев решительно не понимал, в каком направлении ему «дуть» и что и как там освежать и чистить. Поэтому три дня пил дома пиво, пялился в телек и осмысливал варианты.

В разудалые и дерзновенные студенческие годы Синдеева пригрели было буддисты. Выдали дивные оранжевые кальсоны и велели жизнерадостно долбить в бубен. Синдеев поначалу было с энтузиазмом начал гундеть какие-то бессодержательные, к тому же на одной ноте, малопонятные ему тексты. Потом замёрз, без особой, правда, грусти осознал, что оранжевые кальсоны его плохо гармонируют с серым снегом, и энтузиазм его заметно поостыл. Пофигист в нём только нарождался. Потом Синдеев вдруг вспомнил, что вообще-то он крещёный. Постоял пару раз столбом в церкви... «Доски крашенные целуют... Рабами себя называют...» Старушка одна из завсягдатаев неприкаянность его заприметила... «Душу, говорит, – тебе надо открыть... Запылилась она у тебе...» «Это она слово «пофигист» не знает...», грустно подумал Синдеев.

Сосед же по бару случайный, терпеливо поизучавши тоскливые и мало энергичные изливания Синдеева, вынес свой, в корне отличный от старушкиного, вердикт: «Душа, – говорит, – у тебя нараспашку, потому и нахапал всякого мусора». Чем окончательно сбил Синдеева с толку.

Звали Синдеева и на баррикады. В тусовке этой Синдеев быстро оглох от ребячьего ора. «Наши» и «не наши» ощутимо намяли ему бока, да, и деньги там вовсе символические... Синдеев честно пытался обнаружить в себе хоть какие-нибудь убеждения. Хоть «рго», хоть «contra». Пофигист в нём, однако, одолевал всё.

«Женщина! – с горящими глазами сходу установила Синдееву диагноз встреченная случайно сокурсница. «Синдеев! Тебе надо срочно влюбиться!» Синдеев сокурсницу уважал и обнял с удовольствием... Она была «своим парнем». Что значит влюбиться, Синдеев осознавал. Он только не мог взять в толк, как это сделать срочно. Как это вообще: где пофигист, и где «срочно»?

«Работать не пробовал?!» – ехидно однажды спросил свояк и привёз Синдеева к себе на дачу. На два выходных. Работы на даче всегда было невпроворот.

В поте лица свояк что-то алчно и безостановочно красил, копал, прибивал, подвязывал. Синдеев едва успевал таскаться за ним по участку и быстро везде уставал. Перекусы вносили определённые оживления, если бы не разговоры о видах на урожай, паршивой погоде и новых налогах на дачников.

Синдеев искренне не понимал, зачем свояку эта изнуряющая битва за урожай и прочие хлопоты, если доходы его, которые он стабильно извлекал, шурша бумагами в каком-то якобы нужном учреждении, свободно позволяли всё это купить. Зато свояк не пофигист...

Пофигисту счастье труднее отыскать. Синдеев это понимал и надежд не терял...

Женская хитрость

«Женщина – это приглашение к счастью», – поделился своими тонкими наблюдениями Шарль Бодлер...

5-го сентября 2009-го года я получил конкретное приглашение к счастью в лице своей загадочной внучки Софии. Женские хитрости в этом чарующем создании первыми заприметили, конечно, наши женщины: «Глаза хитрющие...», – в полном консенсусе сошлись многоопытные бабули.

Все из нас приходят в этот мир с уготованными Господом дарами и жилками... А что там насчёт женских хитростей...

«Хитрость – это наглость умного», – нашёл я подходящий афоризм. Женские хитрости – это, пожалуй, нечто ещё более изощрённое...

Всё, что мне к исходу первого года было доверено, так это гуляние с дитёнком в коляске по парку с последующим её засыпанием. «Песни ей пой», – велели мне бабули, когда я было пожаловался, что плохо засыпает...

Ну, запел я однажды, как мне казалось, тихую и ласковую... Реакция дитёнка была незамедлительной: она резко села в коляске и вытаращила на меня удивлённые глазищи. Я понял, репертуарчик надо менять. Вторая попытка – реакция аналогичная... Плюс доля презрения во взгляде, жуть, мол, что за дуделка...

На следующем кругу я решил схитрить: затянул нечто не своим голосом... Как я рассчитывал, подделаться под бабулин голос... Старался, конечно, чтобы никто не слышал...

«Да, ты, Дед, совсем страх потерял!», – однозначно прочитал я в её глазах...

В следующий променад Софийка с сочувствием, как мне хотелось бы думать, обречённо на меня посмотрела, и... сама вдруг начала гудеть и вскоре засыпала. На этом консенсусе мы и сошлись...

Когда ей надоедал свой велосипед, она требовала, чтобы я подвозил её к группе детишек с другими транспортными средствами, выбирала любой свободный и бесцеремонно на него громоздилась. Не все дети были от такого захвата в восторге. И вот тогда Софа пускала в ход женские хитрости...

Если владелец возражал, она театральнo отступала и делала вид, что его задрипанный велик ей и на фиг не нужен... Малейшее отступление расслабленного женской хитростью хозяина, и Софа была в его седле. Ну, а догнали..., так других полно. Меня очаровывало полное отсутствие агрессии в её действиях, поэтому, каюсь, такую женскую хитрость я даже и поощрял...

Спустя три года, аккурат 5-го сентября, в её День рождения, Господь распорядился подарить Софе братика, но уже в далёкой Канаде, поэтому эволюция её женских хитростей следует уже из рассказов её родителей...

«Софа, возьми салфетку и вытри Патрику нос», – распорядилась как-то мама в гостях. Софа нехотя исполнила без отрыва от мультиков, после чего озаботилась, а куда салфетку-то девать. Женская хитрость сработала быстро: «Лёнчик, на, вытрись, ты в торте испачкался...» – это другому гостю-одногодку, совсем не искущённому в женских хитростях. Воспитанный Лёнчик вытерся и нехотя поковылял на кухню выбрасывать салфетку.

Где-то на полпути его вдруг озарило, и он пропищал растерянно: «Да, я не ел ещё тортик-то...» Разумеется, Софа уже про него и забыла...

«Всякая хитрость ничтожна по сравнению с хитростью женщины», – говаривал, якобы, мудрый царь Соломон, в наших местах весьма почитаемый. 700 жён, однако, имел и 300 наложниц... Знал человек, что говорил...

Гора Ай-Петри

«Подруга много лет зовёт в Крым... Давно не виделись... Сто лет в Крыму не были...» Эти и аналогичные доводы супруги порождали всякий раз у меня резонный вопрос: «Ма питом?! Чего вдруг со Средиземного моря тащится на Чёрное?! Смотри, даже рейса нет из Тель-Авива в Симферополь. В Москву над Крымом, потом назад в Крым... Абсурд! Есть же скайп!»

«Она сказала, мы будем засыпать и просыпаться с видом из постели на гору Ай-Петри...» И тут я дал слабину...

Самозастройная фавела, затейливо пришпандоренная невесть как, Бог знает, на чём и, поди, разберись из чего, числилась тут под гордым брэндом «экологичная бунгала». Она-то, «бунгала», и обещала небесный кайф и неземную нирвану от круглосуточного лицезрения кра-савицы Крыма – горы Ай-Петри.

Случайно или нет, но вся фавелоподобная Алупка такую роскошь таки предоставляет.

«Верблюда на Ай-Петри затащили, а ты всё упираешься», – супруга продолжала жалить в уязвимые места. Я всё понимаю: адреналин, фото, экшен, чтобы потом – «вау!» Но пешеходный подвесной мост на высоте 1234 м, в самом ветреном месте Крыма, где даже ветряную электростанцию сдуло – нет, ребят, как-нибудь без меня...

Канатка и то... Кстати, о канатке... Уникальная штука-то даже для Европы, оказывается, чего никак в суровых местных реалиях не ожидаешь... 3 км протяжённость, 1670 м безопорный пролёт, 1,5 т вес вагона, хитромудрый маятниковый режим... Впечатляет...

«Ты же наверняка проголодался, уважаемый!» «В Ялту отвезти?» «Квадроцикл только для джигита!», – на плато после канатки некуда деться от агрессивного маркетинга. Даже самый сильный и долгий в Крыму ветер не в силах выветрить с плато вонь от шаурмы, шашлыков и прочих восточных прелестей... Абсурдные постройки, абсурдно запитанные от станции канатки...

И нет канализации! Это полный пипец, в смысле, полная засада! Плато Ай-Петри – это же практически единственный водосбор и водонапорная башня всего Крыма. Во всех окрестных водохранилищах – вода с Ай-Петри. Не надо бы, братцы, плевать в колодец-то... Говорят, теперь вопрос под чьим-то неусыпным и жёстким контролем... Поживём-увидим-ощутим...

Есть нюанс: весь этот бизнес-шалман на плато – крымско-татарского происхождения...

И ведь знают, пройды, что плато (яйла помещному) документально по сей день принадлежит общине крымских татар; пастбища у них там испокон веку. А вот вершину – гору Ай-Петри за ненадобностью они, татары, продали в своё время князю Ф.Ф.Юсупову. Как-то тут подзапуталось всё: право, насилие, справедливость, реальность... Как, впрочем, и с Курилами...

«Шоб я так жыв, и уси так жилы!», – местный удалой бомбила всякий раз подчёркивал родной колорит... Его, колорита, здесь «целые штаны»...

«7 минут ходу до моря!», – написано на рукодельном плакатике у загорелой гражданки. И чуть ниже: «С дитями...» Потом я всё порывался у гражданки спросить: «А скока это с моря?! Хотя бы и без детей...» У всех местных ноги, надо думать, железные... По таким горным улицам топтать... Фавела наша симпатичная аккурат в Нагорном переулке и находилась с заходом с Нагорной же улице... И с шикарным видом на Ай-Петри.

А теперь представьте, в каком состоянии местный, да-авно не обновляемый автопарк, «Жигули», в основном, крайне подержанные... Но по узким и кривым улочкам, хотя бы и с чадом и копотью, норовят протарахтеть лихо... Только успевай в стену влипнуть... Были, говорят, что и размазали...

По чести сказать, была у меня и другая, столь же весомая, сколь и приводящая в волнение причина теперешнего посещения Крыма: Воронцов и Пушкин...

Но это – совсем другая история...

Лекарство от лунатизма

К ностальгии по Родине скверным образом добавилась ностальгия по прошедшему времени...

И Василий запил...

В такие моменты его трудно было понять – у него вдруг включалась некая резервная, весьма объёмная, злая память, и он припоминал всем грехи и обиды столетней давности. Не переставая при этом нещадно клясть всех и вся...

В «мирное» время мужик он был неплохой: работающий, семейный, поговорить-пошутить... Поэтому, когда в такой вот момент мы с ним случайно однажды заговорили о некой зловещей периодичности его... эмоциональных всплесков, мне почему-то пришёл на ум... лунатизм.

Там схожие безобразия от полной Луны случаются. И с противодействием им пока как-то не очень.

А не в зелёном ли змие по наитию обнаружил Василий лекарство от лунных тараксий?!

Статистики нужной обнаружить не удалось, поэтому дальнейшие наши с Василием «научные» изыски по теме имеют место быть лишь на правах смелой версии...

Сказать по чести, я поначалу опасался давать Василию такого рода козыри и алиби в виде лунатизма. Но в периоды не полной Луны Василий был тот ещё хват и пройда.

Всеми правдами и неправдами ему удалось таки заполучить инфу по теме из интернета...

В смысле ностальгии мы с ним практически в одних кондициях – возраст, Родина, иммиграция.

Другой причины возникшей странным образом взаимовыгодной игры-традиции между нами я так и не нашёл...

В периоды малой и средней Луны Василий как бы разделял со мной ностальгические настроения – и это была моя выгода...

По мере приближения фазы Луны к 100 % Василий звонил мне или заезжал на пару минут, чтобы спросить: «Яколич, а кто там, говоришь, ещё лунатиком-то был?!»

Я давал ему информацию дозировано, чтобы рано не кончилась...

Реакция у Василия на известных товарищей по лунатизму была примерно одинаковой:

– «Циолковский?! Не-е, он пить не мог... Некогда ему было пить... Думал всё время про Космос...»

– «Вольф Мессинг?! Этому вообще пить нельзя было! Такого наворотил бы!»

– «Менделеев?! Дмитриваныч?! Да ладно... Таковую таблицу в голове по пьяни не удержишь...»

– «Вернадский?! Академик-то?! Что проспект в Москве?! Вряд ли... Думаю, пил бы, не стал академиком-то...»

– «Рерих?! А это кто? В горах... Не-е... В горы под шофе лучше не соваться...»

И это была выгода Василия – авторитеты-лунатики как бы сдерживали его от персональных «проказов» полной Луны.

Все знают, болезнь легче предотвратить, чем лечить.

Может быть, Луна и лунатизм тут и не причём...

Но, вот такой взаимовыгодной игрой мы с Василием, получается, купировали... его эмоциональные всплески...

Путевые заметки

«Дача повалилась», – мужик в соседнем купе электрички вещал буднично, по-житейски...

«Как повалилась?!»

«Ничком! Как я надясь у свояка на крестинах...» «Тайфун, что ли?!»

«Не, не тайфун... Я... Свояк сказал, я неправильно рассчитал... Ёпть... А кто её рассчитывал – лепил да лепил... Лесу ж полно...»

«И что теперь?!»

«А ниччо... Свояк сказал, кран подгонит, поднимем... Подопрём...»

«Сам-то ничего?!»

«Обошлось... Тока обосралси...»

«Повалилась... На крестинах... Лепил да лепил... Лесу полно... Подопрём... Ёпть...»

Остаток дороги до Москвы слова эти почему-то вдруг сделались ключевыми и в голову полезли подзабытые ассоциации...

Гиперссылки, по-теперешнему... Отсылают нас в прошлое, чтобы открыть закладки в памяти...

Я не был в России 6 лет...

Любопытство заело... Неужто ничего не... Оглянулся... Дуркует, змей, соседей развлекает...

«Непрременно посмотри там на звёзды... Они там ближе и ярче...»

Там – это в деревне под Калугой...

Я честно старался выполнить наказ жены, но безоблачную ночь в тот отпуск так и не выследил. Стоя однажды ночью, задравши голову, на крыльце, я вдруг вздрогнул: под ближайшим кустом кто-то громко и слишком отчётливо для бесшумной деревенской ночи... захрапел...

Это явно был он – безоглядный, раздолбайский и пофигистский храп бесчувственного пьяного мужика...

«Какой мужик, ворота на замке, никого чужих в округе...»

«Тиха украинская ночь, но сало надо перепрятать», – с перепугу вдруг взбрело в голову, и я притко закрыл за собой дверь на засов... До выяснения утром...

«Да это ёжик храпит!» – хохотал утром свояк, – мы ему у крыльца еду на ночь оставляем...»

Вот, думаю, змей: напхается и тут же брык под куст... Но за откровение ежу спасибо...

Хитроумные и замороченные законы корреляции не позволяют бедолаге-дачнику предсказать напасть дроздов на свою облелеянную вишню. И они, набег-налёты этих разбойников таки случаются.

В тот сезон свояку с дроздами «повезло» особливо. На старой развесистой вишне дрозд, будьте любезны, учудил гнездо. И вот, к середине июля свояк решил, наконец, испробовать желанную ягодку. Да не тут-то было!

На подходе к вишне дрозд яростно и шумно пикировал на подходящего и обильно, стервец, бомбардировал его экскрементами. Раз за разом! Боекомплект у того дрозда оказался как у хорошего грифа!

Шутки-шутками, но преодолевать то «минное поле» приходилось с зонтом или с накидкой...

По каким-то другим хитромудрым законам природы пернатый агрессор вовремя отгнездился-отбомбился, и всем семейством благополучно снялись в другие, по всей видимости, не столь проблемные места...

Виды интонации

Из всей пёстрой палитры лингвистики Роза Соломоновна в совершенстве владела интонацией. А «интонация – это очень сложное и далеко ещё не устоявшееся в лингвистике понятие» по заверениям самих лингвистов...

В спецлитературе, сообщают, установили целых 16 видов интонации. Господа учёные, я берусь утверждать, что в арсенале Розы Соломоновны, в совершенстве овладевшей всеми 16-ю видами интонации, я обнаружил ещё пару сверху: примирительная и уничижительная или презрительная...

Возможности знаков препинания в нашем языке весьма ограничены, ввиду малого их, знаков, количества. Поэтому я вынужден для описания впечатляющих интонационных возможностей Розы Соломоновны использовать и знаки препинания, и сами слова, и словосочетания... А для конкретики, как образец, представлю всё это как один из диалогов, в данном случае, супруга с Розой Соломоновной...

Речь зашла об одном общем знакомом...

«Кобель...», – у Розы Соломоновны это прозвучало как вводная и камертон. Интонация повествовательная...

«Ну, почему сразу кобель?! Там была непростая ситуация: командировка с коллегой, скука...»

«Кобель!» – интонация подтверждающая...

«Розонька, ты слишком строга... Товарищ покаялся, его простили... А если ты про другой раз, так он просто выручал приятеля, взял на себя...»

«Кобель!» – интонация презрительная...

«Ну, а про Новый год что говорить... Перебрал человек... Он и не помнил ничего...»

«Кобель!» – интонация поучительная...

«У каждого свои слабости...»

«Кобель!» – интонация увещательная...

«Он же хороший семьянин...»

«Кобель?!» – интонация вопросительная с оттенком удивления...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.